

Н. П. ГАЛЬЦОВА, Н. Г. КУЗНЕЦОВА (Томск)

КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ В ЮЖНОСЕЛЬКУПСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Среди южноселькупских глагольных словоформ, обслуживающих семантическую зону темпоральности, достаточно отчетливо выделяются три группы. Первая — абсолютные времена — включает презенс I и претерит. Противопоставление претерита презенсу I составляет основу селькупской временной системы. В плане содержания оно сигнализирует оппозицию предшествование/непредшествование моменту речи. Несмотря на то, что в самодийских языках есть глагольные словоформы, способные выражать действие в момент речи, единого мнения о наличии в языках группы грамматического настоящего не сформировалось. Словоформы, передающие действие, которое может совпадать с моментом речи, обычно трактуются в этих языках по-разному. М. А. Кастрен называет подобное время в селькупском языке первым, отмечая, что оно может выражать у одних глаголов настоящее, у других — прошедшее время (Castrén 1854 : 373). Г. Н. Прокофьев дает такому времени название аорист или неопределенное время (1935 : 61—65). Терминологии Г. Н. Прокофьева придерживается и ряд других исследователей (Прокофьева 1966 : 307; Дульзон 1969 : 203; Кюппар 1978 : 136; Хайду 1985 : 242). Семантические эквиваленты селькупскому первому времени или аористу классифицируются в других самодийских языках как неопределенное время, реже — как настоящее, не обязательно имеющее хронологическую соотнесенность с моментом речи (Castrén 1854 : 373, 448; Прокофьев 1937 : 40—42; Angere 1956 : 102—113; Collinder 1960 : 245; Серебrenников 1964 : 91—92; Терещенко 1965 : 895; 1966 : 428; 1973 : 168; Hajdú 1968 : 61—62; Labanauskas 1975 : 43—56; Labanauskas 1975 : 126—134). Использование терминов аорист или неопределенное время для соответствующих селькупских словоформ объясняется способностью последних помещать действие то в настоящее, то в прошедшее, то в будущее. Между тем в широком диапазоне их значений отчетливо разграничиваются парадигматическое (инвариантное) и синтагматические (транспозиционные), представляющие собой результат нейтрализации противопоставлений настоящее / прошедшее, настоящее / будущее в плане синтагматики.

Во всех диалектах селькупского языка парадигматическим значением словоформ, получивших название аорист (неопределенное время), может быть признана характеристика действия или состояния в отрезке времени между прошлым и будущим, включающим момент речи, а сами словоформы могут соответственно рассматриваться как настоящее время (презенс I) (ср. ОчСЯ 235—236; Кузнецова 1987 : 115). Поскольку обозначаемые временные отношения «накладываются» на видовое значение производящей основы, действие в настоящем

предстает не только как процесс, но и как результат. Основы глаголов несовершенного вида с показателями времени выражают действие или состояние, которое может иметь место в настоящем и непосредственно в момент речи (настоящее процессуальное). Основы глаголов совершенного вида с соответствующими маркерами передают действие, завершившееся обычно незадолго до момента речи и результат которого в настоящем, включающем момент речи, налицо (настоящее результативное). В этом проявляется асимметрия значений презенса I по сравнению с претеритом, обладающим однозначной временной ориентацией относительно соответствующей точки отсчета.

Настоящее процессуальное реализуется в южноселькупских диалектах черз

I. настоящее актуальное

а) узкого плана, выражающее действие, синхронное с моментом речи: тым. *iča niŋdä a m d a k tüeš meka* 'Ича, я здесь сижу, иди ко мне!'; нар. *stepan sareič alesi sareičin tentrla temña mat tekka k i g a k kadlgu lgi ñäi badik* 'Степан-царевич Алексею-царевичу говорит: «Брат, я тебе хочу сказать, не сердись!'; кет. *uek tan tarəŋ kəiŋgo mutandə* 'молчи ты, — говорит, — чего лаешь?'; об. *eral kəiŋin jen* 'муж твой где (сейчас есть)?';

б) широкого плана, передающее действие или состояние, которое охватывает более или менее обширный отрезок в настоящем, куда включается и момент речи: тым. *kjbačə matə moqoŋən sanžerna* 'ребенок и гурает за домом'; нар. *čobir mužle manžerešpat ček badešplu* 'ягода поспевает (букв. поспевая заканчивает), скоро собирать будем мы-двое'; кет. *man aringin manžimban adelandə* 'я иначе смотрю на это дело'; об. *me mādat katkamət orlešpat pərak pōla* 'вдоль лицевой стороны нашего дома растут высокие деревья';

II. настоящее общее, для разновидностей которого характерна широкая, неограниченная пределом локализация действия во времени, не исключается начало действия в прошлом, а его окончание в будущем:

а) характеристическое: при описании качеств, привычек субъекта, его способности или умения производить тот или иной вид деятельности: тым. *mat eβem ā ündəčət i ā čēnča* 'моя мать-моя не слышит и не говорит'; нар. *man ā nād rəp tan ñāñnamd* 'я не люблю твою сестру'; кет. *ond jilandi kum ləremba kullañi* 'одиноким человек боится людей'; об. *tjdam tābeyum larj pba pajātdiŋe* 'теперь мужик боится жены своей';

б) периодическое: при указании на регулярные события, обычные действия в их последовательной смене: тым. *tajt kory mažokət kojākkə* 'летом медведь по тайге ходит'; нар. *tβəgət pōipəl kədart čəželimba* 'гуси улетают в теплую страну'; кет. *na bottoβən ñekpulla ütəŋgo palduat* 'по этой дороге женщины за водой ходят'; об. *okkijr sūtdayin ārgobta* 'в одной комнате мы-многие моемся';

в) постоянное: при передаче длительных или повторяющихся действий, ставших уже привычными, постоянными: тым. *letuči taβa pit kōnda* 'летучая мышь ночью спит'; нар. *mažət kut tan βādət kužakət pēdeund layalžadət aurgu tab'et* 'охотники (всегда) знают, когда белки отправляются из гнезда питаться'; кет. *okəni nekətukkuŋ kanzaze* 'он всегда курит трубку (букв. ему курится трубкой)'; об. *tauga kidaŋ ñakciŋ* 'этот же вечно курит' и т. п. Все значения

настоящего процессуального (общее, актуальное) могут выражаться как производной, так и производной имперфективной основой.

Настоящее результативное (= недавнопрошедшее) в южноселькупских диалектах обычно реализуется через настоящее актуальное узкого и широкого плана: об. *tapte mālčedīŋ* '(вот и) сказка кончилась' (окончание повествования); *tab meike tapfel koralžat kβilp potku* 'она разрешила мне сегодня рыбу сварить'; тым. *taβdel karat βažak* 'сегодня утром встал я'; кет. *tan na kuni tüandī* 'ты сейчас откуда пришел?' и т. п.

В зависимости от значения категории переходности производящей основы возможно выделение двух разновидностей настоящего результативного:

а) законченного переходного действия, результатом которого может выступать новое состояние субъекта: тым. *tabə mēda koldat topta* '(вот) он пришел на берег реки'; нар. *nap mat čad βašežā* '(вот) утка передо мной взлетела'; кет. *tep pečan mokkon čaruŋ* '(вот) он из-за печки вышел'; об. *matte sērnatte sobla kum* '(вот) в дом вошли пять человек';

б) законченного действия, направленного на объект, результатом которого может быть новое состояние последнего: тым. *mat kojāk katbar kītkař šabčugu neŋ šabək kotalžap kurtannap amdař ačap* 'я иду на берег реки удить. Вот червя на крючок надел, закинул. Сижую, жду'; нар. *mat kaptēt čabap morkalžak* '(вот) я смородиновый лист сорвала'; кет. *manoneŋ kβelam amnam* 'я сам рыбу съел (сейчас)'; об. *tap čoča čβič parond kīdom* 'он поставил корзину на землю (сейчас)' и т. п.

Для презенса I в селькупских диалектах южной группы типичны следующие типы темпоральной транспозиции:

1. Настоящее историческое или повествовательное (презенс I в значении претерита — см. опубликованные тексты по диалектам языка). Формы настоящего исторического, будучи использованными в контекстах прошлого (рассказах, сказках), придают повествованию особую живость. Настоящее историческое известно многим языкам мира.

2. Настоящее результативное в значении давнопрошедшего результативного. Расширение синтагматики результативного презенса I объясняется в данном случае нейтрализацией противопоставления результативных значений по отношению к моменту речи и обусловлено отсутствием резкого смыслового разрыва между системой двух абсолютных времен от перфективных основ: тым. *kutse tüand — nānānse tūsak* 'ты с кем пришел (тогда — презенс I)? — С сестрой пришел (тогда — претерит)'; нар. *tab pode pod koček loγap kβatpnid no kōdenna* 'он в прошлом году много лисц добыл бы, но заболел (тогда — презенс I)'; нар. *im talžel kuralžit mažik mēgu nap* 'отец заставил (презенс I) меня вчера хлеб испечь'; об. *kočim eut tabne mezit puseilam neŋ pennit* 'мать ей дала (претерит) сережки и бусы ей тоже дала (презенс I)'; *man jezaŋ tapstanan parinte, mīm üssaŋ manani aŋmen küksan manani akiŋ az eziđeŋ* 'я была (претерит) у них, тоже водку пила (претерит), по моим устам бежала (претерит), мне в рот не попала (презенс I)' и т. п. Аналогично функционируют образования от перфективных глаголов не только в селькупском, но и в других языках самодийской группы (Про-

кофьев 1937 : 41, 72, 88; Терещенко 1948 : 370—371; Angere 1956 : 102—113). В значении претерита иногда используется и настоящее процессуальное, но с темпоральными уточнителями: тым. *okkijr kβilget porjindo xelzaro pō čar maččičak* 'с одиннадцати лет до семидесяти охотился' (презенс I) я'; нар. *ugot tajar fan ellar* 'раньше они двое хорошо жили (презенс I)'; об. *tan eyandə bargananžə delət tačan* 'ты был (презенс I) в Варгананджине день назад'. Настоящее результиативное может также оказываться тождественным перфекту от основ соответствующего типа (см. далее): кет. *inat taran man oneŋ am nam* 'брат их говорит: «Я сам (карасей) съел»'; об. *tabla mat šernat kanak poneyoł kβedimbat* 'они вошли (презенс I) в дом, а собаку оставили (перфект) на улице' и т. п.

3. Настоящее процессуальное в значении будущего. В этом значении используется настоящее общее от основ с суффиксами фреквентативно-итеративной или дуративной семантики, для которых характерна широкая, неограниченная пределом локализация действия во времени: тым. *korq poqor kone tatkałgət kβəlam am gət* 'медведь сеть на берег вытащит, рыбу съест'; нар. *pürgotə in ne um de špa lekaršβar mädəgu nadə* 'живот его вздуется, лекарство пить надо'; об. *mat pürdem in ne βačetimba öičugu nado lekaršβar* 'мой живот вздуется, пить надо лекарство'; кет. *taunannl kajn assi čanžl-kuŋ* 'из этого ничего не выйдет'; вас. *amba pol mažegu ku en ba miznut kβendl kuk* 'мать дрова рубить пойдет, нас с собой возьмет' и т. п. Использование форм настоящего в значении будущего также известно языкам мира.

При соответствиях сельк. ^(*)-ŋV- (презенс); кам. -γV-, -gV- (презенс); саяносам. -ga-, -go-, -ŋa-, -ŋae- (презенс-футурум); нен. ^(*)-ŋV- (презенс-перфект); эн. ^(*)-nV- ((аорист)-перфект) (Кюппар 1978 : 141) и формальной неотмеченности самодийского настоящего (Хайду 1985 : 241—242) источником указанных временных маркеров (в их числе селькупского презенса I) может быть признано отглагольное имя прасамодийского, давшее в языках-потомках образования типа перфекта или даже специализирующееся на передаче временного (перфектного) значения уже в праязыке. Известная и другим языкам мира линия развития перфект > презенс (ср. Перельмутер 1977 : 80—81) могла осуществляться в самодийском или позднее как непосредственно, так, видимо, и через промежуточную стадию перфект > аорист > презенс (ср. Mikola 1988 : 248). Презентная основа восстанавливается без специального маркера и для прафинно-угорского состояния, а засвидетельствованные в отдельных языках группы показатели настоящего времени признаются инновациями. Однако здесь реализовались иные языковые возможности. В маркеры презенса в этих языках перешли показатели причастных форм, а также словообразовательные суффиксы длительности, повторности, многократности (Гухман 1981 : 120).

Формы претерита (давнепрошедшего) характеризуются семантическим единообразием по всем диалектам селькупского языка. М. А. Кастрен называет это время вторым (die zweite Zeit) (Castrén 1854 : 376). Г. Н. Прокофьев определяет его для тазовского диалекта как *praeteritum perfecti*, относящее действие к давнему или недавнему прошлому (1935 : 66), а авторы «Очерков по селькупскому языку. Тазовский диалект» вслед за Е. Д. Прокофьевой (Прокофьева 1966 : 407; ОчСЯ 237—238) считают соответствующие формы прошедшим временем индикатива. В баишенском говоре енисейского диалекта претерит

выступает как давнопрошедшее, которое употребляется для выражения событий в сравнительно далеком прошлом, совершение которых не вызывает никаких сомнений (Варковицкая 1947: 25). В нарымских говорах аналогичные формы передают действие в прошлом, не связанное с моментом речи (Морева 1983б: 54). Претерит выделяется для говоров Нижней Чаи и кетского диалекта (Hel. 41; Кузнецова 1987: 116—117).

Формы этого времени соотносят действие с планом отдаленного прошлого. Зависимость временного значения от видовой принадлежности основы позволяет выделять давнопрошедшее процессуальное от глаголов несовершенного вида и давнопрошедшее результативное от глаголов совершенного вида. Давнопрошедшее процессуальное обозначает прошлое действие безотносительно к его пределу, результату. При этом наблюдается параллелизм с настоящим процессуальным в плане семантических разновидностей: тым. *kočebar kōškesak koryo kβitku* 'много раз я ходил медведя добывать'; нар. *ma^zinze ēγak* (<**esak*) *tan udom mannambilt* 'я давеча был, мою руку вы-многие смотрели'; кет. *taβakka amguzit nužam* 'мышонок ел траву'; об. *aman kužannai as sōtkuzab* 'а я некогда не шила' и т. п.

Формы давнопрошедшего результативного образуются от основ совершенно вида и обозначают действие, завершившееся задолго до момента речи. Указание на результат сближает их как с перфектом (см. далее), так и с результативным презенсом I. В рамках давнопрошедшего результативного выделяются те же разновидности, что и в настоящем результативном:

а) законченного непереходного действия: тым. *tatčad tab ā tōza* 'из-за тебя он не пришел (тогда)'; нар. *mat tβōsse üdet parassak* 'я обратно к вечеру вернулась'; *man seηksaη neñnan βark op-ponnan* 'я ночевал (тогда) у своей старшей сестры'; об. *man ustolzi om di sab* 'я к столу сел (тогда)';

б) законченного действия, направленного на объект: тым. *mat ugot tünd^o konzirsap* 'я давно тебя увидел'; нар. *mat kanarek kβelp mēγam* (<**mesam*) 'своей собаке рыбу я дал (тогда)'; кет. *etam palđuralle paγas kossam* 'деревню обойдя, ножа я (тогда) не нашел'; об. *mat tabat ñannei plekanta čotčisap kβilap* 'я перед ней рыбу поставила (тогда)' и т. п.

Временное значение претерита в селькупских диалектах южной группы исчерпывается парадигматическим, транспонированное употребление для него не характерно.

Во всех диалектах языка в качестве показателя давнопрошедшего времени используется (*)-*s(V)*- (где $V = a \sim \partial$) независимо от типа основы. У консонантных основ на стыке морфем отмечаются ассимиляционные процессы: $ls > os$; $ts > ss$; $ns > ss$; $ms > ps$; $\eta s > ks$. В диалектах и говорах с развитием * $s > h$ (нар., отчасти тым.) маркерами претерита следует считать *-s(V)*- для основ на согласный и *-h(V)*- (*-h(V)*-/*-s(V)*-) для основ на гласный и *r* (иногда также *l*; ср. нар. *mīrənūt koč kut ēγādət kβessādət* (**kβen-s-adət*) 'у нас людей много раньше было, (но) ушли'). Есть основания полагать, что в 3 л. ед. ч. субъектного спряжения при отпадении окончания ($a \sim \partial$) могла встречаться и элизия * $s > h > \emptyset$ показателя времени. Тем самым создавалась оппозиция типа *illa* 'живет' : *illə* 'жил' (**illəh* < **illəs* < **illasa*, *illəsi*), в которой роль грамматического маркера прошедшего времени (претерита) брал на себя нечередующийся финальный гласный основы, противопоставляемый чередующе-

муся гласному в презенсе I. Возможно, подобные процессы привели к формированию в нарымском диалекте селькупского языка прошедшего времени на гласный (Морева 1983б : 55; ср. нар. *paka á d i nilziŋ to makižadət taper_ ja á da* 'пока видно было. Так туда скрылись. Теперь не видно'). С другой стороны, можно принять и древнее происхождение времени с вокалическим показателем, считая его продолжением соответствующего отглагольного имени или даже времени прауральского (Janhunen 1982 : 36; Серебренников 1964 : 99).

Ряд ученых предполагает существование *š-ового времени в уральском и самодийском, рефлексом которого выступает селькупский претерит, а также (*)š-овые времена других самодийских языков (Angere 1956 : 102—113; Collinder 1960 : 303—307; Erdődi 1963 : 5; Серебренников 1964 : 85—87; Mikola 1988 : 220—263; Janhunen 1982 : 36). С другой стороны, некоторые исследователи высказывают сомнения в уральской или самодийской древности времени на *š, допуская наличие в праязыке только *š-овых отглагольных имен (Kövesi 1974; Кюннар 1976 : 140; Künnap 1978 : 142). Соответственно (*)š-овые маркеры времени в селькупском, ненецком, энецком, нганасанском признаются ими родственными в том смысле, что имеют своим источником древнее отглагольное имя. Обращает на себя внимание невозможность использования в тазовском диалекте селькупского языка претеритальных форм в конструкциях с отрицательной частицей *ašša* и замены их другими оборотами (ОчСЯ 237). Эта частица, употребляющаяся с формами всех времен и наклонений в утвердительных предложениях, является носителем соответствующего типа коммуникативной модальности (Кузнецова 1991 : 257; 1992 : 47). Ее несочетаемость с формами s-ового прошедшего очевидно указывает на связь временного значения с каким-то значением модальной сферы.

Селькупским абсолютным временам, для которых предполагается древнее происхождение, противостоит серия форм, позднее вошедших в глагольную систему из причастий (относительные времена / (>) абсолютные времена). Включение последних в собственно глагол сопровождалось становлением категории, ориентирующей процесс относительно новой точки отсчета, не совпадающей с моментом речи (ситуативный момент). Эта категория таксисного плана была названа в германских языках категорией временной отнесенности. Как будет продемонстрировано далее, в селькупском языке она с течением времени разрушается, ее компоненты полностью или частично включаются в категорию времени-наклонения. Но важно подчеркнуть, что смысловая структура категории временной отнесенности в селькупском языке на начальном этапе ее существования воспроизводила структуру категории времени, т. е. оппозиция перфект / презенс II исходно сигнализировала в плане содержания предшествование / непередшествование действия ситуативному моменту (ср. ИТМГЯ 28). Становление категории временной отнесенности, формирующей противопоставление одного относительного времени другому, могла отражать внутренние законы развития языка. Есть мнение, что создание релятивных (относительных) времен — это одно из средств, уточняющих момент речи (Серебренников 1988 : 49).

Финитные глагольные формы на (*)-(m)pV- (V=a~ə) с временным значением известны всем селькупским диалектам. В тазовском они рассматриваются как повествовательное прошедшее время индикатива (ОчСЯ 238—239) или прошедшее время нарратива (Прокофьев 1935 : 67—68; Прокофьева 1966 : 407—408; Hajdú 1968 : 149; Künnap 1978 : 78—80); в обских говорах — как нарративное прошедшее (Hel. 41), в нарымских говорах — как перфект (CL 202; Морева 1983б : 53—

57). Для кетского диалекта соответствующие формы признаются причастиями прошедшего времени в предикативном употреблении (Кузнецова 1987 : 120—122).

При достаточно ярко выраженной формальной и семантической связи рассматриваемых форм с причастиями-определениями или сформировавшимися на их базе отглагольными прилагательными (см., например, ОчСЯ 238—239, 242—243, 255; Hel. 41—48; Кузнецова 1987 : 120—125, 148, 149) все формы на $(*)-(m)pV-$ в роли сказуемого тем не менее уже могут включаться в систему глагола в качестве перфекта. Несмотря на отсутствие единого мнения по вопросу о сущности последнего большинство исследователей признает, что основное значение перфекта базируется на более или менее конкретной связи между актуальным (прошлым, настоящим, будущим) состоянием и предшествующим ему действием (состоянием) (Телин 1988 : 236). Обычно формы перфекта актуализуются в соотношении с формами настоящего как относительное прошедшее, т. е. прошедшее по отношению к моменту речи, отражаемому настоящим актуальным или настоящим общим в значении актуального, тогда как все действие мыслится в пределах настоящего (Кормушин 1984 : 40). В этом случае перфект выступает в качестве относительного времени подсистемы, где центром является абсолютное настоящее и представляет собой преднастоящее (прошлое в настоящем). Однако актуальное состояние, передаваемое перфектом, может быть и вневременным (ср. Елизаренкова 1982 : 287). Способность перфекта выражать состояние, не локализованное во времени, подвела исследователей к мысли о целесообразности применения при описании перфекта понятия таксиса, который характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту безотносительно к моменту сообщения и шире относительного времени (Маслов 1984 : 7; Бондарко 1990 : 18). Для перфектного таксиса признается особый системный статус (актуальное состояние: предшествующее действие или состояние) с иерархическим превосходством в системе актуального члена (Телин 1988 : 237, 245).

Термин сложное время применительно к перфекту распространяется и на поверхностный исторически обоснованный морфологический облик грамматических форм. Значение форм перфекта во многих языках определяется по значению составляющих их элементов (отглагольное прилагательное или причастие прошедшего времени в сочетании с настоящим временем вспомогательного глагола; причастие прошедшего времени с аффиксами сказуемости — личными окончаниями, относящими действие или состояние к настоящему — см., например, Черных 1952 : 259; Серебренников 1963 : 19; 1983 : 275). Аналогично в селькупском языке: первоначальная семантика перфекта выводима в нем из структурных элементов предикативной формы. Последняя содержит показатель причастия (в основном) прошедшего времени (отглагольное прилагательное с более или менее явно выраженным результиративным значением) без маркера определения, но с личными окончаниями — носителями предикативности, одновременно указывающими на настоящее время (актуальное или общее) (ср. значение предикативных форм существительных — ОчСЯ 188). Поэтому селькупский перфект может рассматриваться по крайней мере в диахронии в качестве предикативной причастной формы. Причастия заняты в образовании перфекта в целом ряде языков уральской семьи (см., например, Чернецов 1937 : 185; Серебренников 1964 : 108—113; Künnap 1978 : 128—131). Связь перфекта с глагольными именами прослеживается также в праязыках: общетюркском и индоевропейском (Курилович 1965 : 426—427; Тронский 1967 : 90—91; Кормушин 1984 : 73).

Селькупские причастия прошедшего времени в роли сказуемого втягиваются в систему временных форм постепенно и неравномерно. Функционирование предикативных форм на $(*)-(m)pV-$ на синхронном срезе отражает разные этапы этого процесса. На первом этапе развития селькупский перфект, слабо локализованный во времени, оказывается тождественным по значению соответствующим причастным формам в функции предиката (ср. Елизаренкова 1982 : 287). Слабо локализованный характер перфекта проявляется в его функционировании на уровне таксиса: перфектный таксис сочетается с временным планом настоящего и прошедшего: нар. *tab k̄k̄l̄ḡi čim̄n̄am̄d̄ kon̄z̄ir̄gu a čim̄n̄ad̄a k̄β̄an̄ba* 'она хотела (претерит) увидеть брата, но он уехал (перфект)'; об. *mat̄ k̄iḡzak̄ k̄β̄il̄z̄ugu rok̄ a z̄ä kod̄o om̄z̄im̄ba* 'я хотел (претерит) приехать рыбачить, но сеть была не готова (перфект)'; ср. кет. *n̄ǖz̄ a s̄ č̄ek̄am̄ba serrot̄ č̄a z̄a η* 'сено еще не просохло (перфект), а дождь идет (презент I)'; тым. *loyanan̄ mat̄ī t̄im̄ba kon̄z̄im̄ puđoȳit̄ barḡa* 'у лисы дом растаял (перфект), под корнем живет (презент I)' и т. д. Нелокализованный характер предполагается для перфекта в общетюркском и индоевропейском (Кормушин 1984 : 72—73).

На втором этапе перфектное значение состояния актуализуется относительно момента речи, передаваемого настоящим абсолютным, и перфект становится относительным временем (преднастоящим, прошлым в настоящем). Как преднастоящее перфект употребляется не просто для констатации факта, имевшего место в прошлом, а для обозначения такого прошлого действия, результат которого продолжается и в момент высказывания. В зависимости от видового значения основы и значения категории транзитивности формы перфекта передают

а) отнесенность к прошлому действию и произведенное этим действием новое состояние субъекта (значение результитивного состояния — от перфективных непереходных основ): тым. *orop̄ š̄ǖn̄nem̄ba* 'силы нет (букв. кончилась и нет ее)'; нар. *maḡla ēz̄im̄ba karland̄* 'прутья превратились в морду (ловушку)'; кет. *sid̄inḡat̄ top̄oȳonde k̄β̄ön̄ba* 'сердце его в пятки (букв. в его ноги) ушло'; об. *tablā ȫt̄ald̄em̄ba* 'они-многие (листья) в воду упали';

б) отнесение действия к прошлому и произведенное этим действием новое состояние объекта (значение результитивного состояния в сочетании с констатацией факта — от перфективных переходных глаголов): тым. *madat̄ moȳoȳit̄ t̄ül̄de nā kor̄yom̄ č̄a č̄am̄bat̄* 'из-за дома ружьем этого медведя убил'; нар. *k̄up̄ k̄β̄äld̄ib̄at̄ k̄ann̄n̄z̄ä k̄ätt̄em̄bad̄* 'человек гвоздь в нарту вбил'; об. *tab̄ k̄β̄ez̄al̄ tip̄ kan̄on̄z̄ k̄eit̄im̄bat̄* 'он железный гвоздь в нарту вбил'; кет. *tep̄ send̄ī ind̄am̄ er̄and̄enī m̄em̄bat̄* 'он новый лук своему отцу сделал' и т. п.

в) состояние субъекта безотносительно к прошлому действию (значение нерезультитивного состояния в прошлом и / или настоящем — от имперфективных непереходных глаголов): кет. *tep̄ kund̄ā ill̄am̄ba sur̄ulan̄ köyan̄* 'он жил / живет постоянно среди зверей';

г) на этом этапе образование времен от имперфективных переходных глаголов (прежде всего суффиговые основы, число производных глаголов несовершенного вида невелико) распространения не получило (кет.). Реализация перфекта в подобных комбинаторных вариантах известна древним языкам мира (Бунина 1959 : 75; Иванов 1959 : 17—18; Барроу 1976 : 78; Кормушин 1984 : 40—41).

В селькупских диалектах южной группы перфект выступает в основном в прямой речи, но может также использоваться в сказках, фольклорных текстах, конец которых подразумевается в прошлом. Соответственно все, что было до конца рассказа, все события повествования, предшествовали определенному прошлому моменту. Поэтому такое функционирование временных форм может пониматься как использование перфекта (преднастоящего) в значении плюсквамперфекта (предпрошедшего), функции которого берет на себя также претерит (СЛ 196, 205 и т. п.). Перфект в значении плюсквамперфекта аналогично настоящему историческому, вносит оживление в повествование. Подобное использование перфекта отмечалось в древнегреческом (Перельмутер 1969 : 14) и имеет место в современных тюркских языках (Кормушин 1984 : 40—43). Для селькупского оно должно быть оценено как архаизм, указывающий на исходную нелокализованность во времени перфектной формы (прошлое в настоящем, прошлое в прошлом).

Относительновременное значение у перфекта в селькупском языке начинает утрачиваться. На третьем этапе перфект приобретает черты претерита, что отражают изменения в его комбинаторных значениях. Если формы от перфективных непереходных основ сохраняют прежнее значение, то образования от имперфективных непереходных передают состояние уже только в прошлом (ср. значение нерезультативного претерита): тым. *tab β a r g ə m b a aβendenan* 'он жил у матери'; нар. *āra bajazak β a r r i m b a r kočči poī kund* 'старик со старухой жил двое много лет'; об. *te addokkalayalta kutta e p p a* 'в ваших облаках кто-то был' и т. п. Формами от переходных перфективных основ может передаваться не только результативное состояние объекта, но и просто констатация факта (ср. соответствующее значение претерита): тым. *tabit madan k β a j a l z i m b a t* 'свой дом обошел'; нар. *anna iβanoβna nānāndize kulβatpilla iβan sareič mašik s β a t a j i m b a* 'Анна Ивановна с сестрами советуется: «Иван-царевич меня посватал»; кет. *tep taraŋ man a m b a m* 'он говорит: «Я съел»'; об. *man kumne dʒə m e t b a r* 'я человеку слово дал' и т. п. Получает распространение образование перфекта со значением нерезультативного претерита от переходных глаголов несовершенного вида: нар. *kužat nājip a m g u m b a t aulzəmbat* 'когда хлеб ел (он), (он) уже забыл'; ср. тым. *eβem matkat kəbat me š k u m b a t* 'моя мать дома шкуры выделывает'. Переход перфекта в претерит имел место в истории многих языков (Серебренников 1974 : 234—236). Он отражает развитие относительное время > абсолютное время. В некоторых тюркских языках финитные формы в статусе перфекта (преднастоящего) получили абсолютно-временную локализацию, сохранив употребление в функции плюсквамперфекта (предпрошедшего) (Кормушин 1984 : 44). Близкую к этой трактовку может иметь т. н. повествовательное прошедшее время индикатива в тазовском диалекте селькупского языка (ОчСЯ 238—239).

В основе перехода относительное время > абсолютное время лежит возможность использования перфекта в значении претерита. Оно имеет место в тех случаях, когда для говорящего важен не столько результат действия, сколько временной отрезок его совершения. Вследствие этого допускается параллельное употребление временных форм, а также их чередование в рамках одного контекста: тым. *tab solzə t i m b a matə š ē r s a* 'он домой пришел (перфект), в избу вошел (претерит)'; нар. *iβan sareič perbal tūnip š ē r b a čündəp oraləda* 'Иван-

царевич в первый двор зашел (перфект), коня поймал (претерит)'; кет. *nokka k̄ondəzan k̄annaŋ assi k̄ondulba m̄ütle oldaŋ* 'заяц заснул (претерит), собака не спала (букв. не заснула — перфект), лаять начала'. Тем не менее и в синтагматике часто может хорошо ощущаться разница между двумя временами. Обычно формы результативного претерита, статичные по своей сути, передают наличие или отсутствие факта в прошлом безотносительно к какому-либо последующему моменту. Формы перфекта внутренне динамичны и предполагают связь результата в прошлом и состояния в настоящем, при этом они часто обладают скрытым от прямого наблюдения содержанием. Подобная дифференциация значений перфектной и неперфектной формы прошедшего времени позволяет информанту избирательно обращать внимание то на совершение действия в прошлом, то на его результат в настоящем: тым. *manan tüššə s̄pa ēsa a alʒlga merimb̄at* 'у меня ружье было (претерит) хорошее, а старуха (моя) продала (перфект)'; нар. *nik tabə andorot andurxa k̄bäl̄p nai k̄bat̄pa* 'таким образом он и на лодке покатался (претерит), и рыбы наловил (перфект)'.

Особенность южноселькупского перфекта состоит в том, что он совмещен с презенсом I производных глаголов состояния от тех же основ. Значения дериватов находятся в диапазоне результативное / стативное (результативное, нерезультативное) / дуративное (Недялков, Яхонтов 1983: 14—17). Совмещенность может быть как полной, т. е. формальной и семантической, так и частичной, формальной. Полная совмещенность интранзитивного перфекта с настоящим временем индикатива характерна для результативных глаголов: кет. *t̄egu*, тым., нар., об. *t̄egu* 'сгнить' > *t̄mbigu*, *t̄bbigu*, *t̄mbigu*, *t̄bigu* 'быть гнилым': *t̄mba*, *t̄bba*, *t̄mba*, *t̄p̄ba* 'сгнил / гнилой'; кет. также для стативных: *iligu* 'жить' > *il̄mbigu* 'жить постоянно': *ilamba* 'жил и живет'. Частичная или формальная совмещенность (у стативных и дуративных глаголов) выявляется тогда, когда в рамках одной формы сосуществуют объединенные семантикой перфекта, но отстоящие друг от друга значения: состояния как результата предшествующего действия или состояния безотносительно к предшествующему действию: кет. *t̄igu* 'взлететь' > *t̄mbigu* 'лететь': *t̄imba* 'взлетел (и летит) / летит'; тым. нар., об. *bažgu* 'взлететь' > *bažəmbigu* 'лететь': *bažemba* 'взлетел (и летит) / летит'. Последний тип совмещенности может рассматриваться как омонимия настоящего времени производных дуративных глаголов с прошедшим временем от соответствующих непроизводных основ (см. например, баиш. — Варковицкая 1947: 80). Таким образом, перфектная основа выступает в селькупском языке на уровне словообразования (глаголы состояния), формообразования (причастия) и словозменения (перфект / (> претерит)). Ситуация сопоставима с тюркскими языками, где дотемпоральное функционирование предикативных имен также было связано с глагольной деривацией. Древние синкретичные аффиксы сочетали три функции: глагольного словообразования, формообразования и древнего залога (Грунина 1976: 21).

Предикативные отглагольные формы на ^(*)-[(n)t]V- (V=a~ə) зафиксированы во всех диалектах селькупского языка. По данным Г. Н. Прокофьева, этот суффикс маркирует в тазовском диалекте повествовательный аорист. Его формы употребляются для выражения действий, относительно которых у рассказчика нет полной уверенности в их достоверности (1935: 66—67). Авторы ОчСЯ считают соответствующие формы латентивом, который передает действия, не являющиеся

для участников разговора или самого говорящего очевидными, зримыми. Для парадигмы этого наклонения в тазовском диалекте характерно развертывание временных противопоставлений (настоящее, прошедшее, будущее). Сфера употребления латентива оказывается пронизываемой для менее маркированного наклонения — индикатива (ОчСЯ 240—243). В нарымских говорах формы на ^(*)-[(n)t]V- классифицируются как повествовательное наклонение, в рамках которого выделяются два времени (настоящее и прошедшее — Морева 1983 : 111—113). В материалах М. А. Кастрена—Т. Лехтисало указывается, что нар. *-nda* «drückt die bestimmte Form ohne Relation, (Aorist) aus» (CL 203). Наличие наклонения неочевидного действия констатируется в обских говорах Нижней Чаи (Hel. 42—43). В кетском диалекте наблюдается начальный этап его становления. Модальное значение неочевидности, заглазости появляется в рамках перфектного у форм на ^(*)-[(n)t]V- от результативных основ (Кузнецова 1987 : 160—162).

Глагольные формы близкой модальной семантики представлены в ненецком, энецком, нганасанском, хантыйском, алтайских языках, в ряде языков волжской и пермской групп (Серебренников 1960 : 65—66, 171—172; Терещенко 1973 : 144—145; Черемисина 1986 : 6; Каксин 1990 : 106—114). Несмотря на различия в названиях (латентив, нарратив, абсентив, повествовательно-предположительное наклонение) их объединяет обслуживание определенной области значений: действия, известного с чужих слов; процессов, независящих от воли человека; неожиданных для говорящего действий и т. п. В диалектах южного ареала модальное значение, детерминированное этими случаями употребления, обычно передается временными формами индикатива с модальными конкретизаторами типа 'может быть', 'как будто', 'кажется', 'вроде' (см. также Морева 1983а : 114). В тех же контекстуальных условиях встречаются и предикативные отглагольные формы на ^(*)-[(n)t]V-. Однако замена индикатива на последнюю при одновременном устранении лексического уточнителя влечет за собой потерю модального смысла.

Одновременно у форм на ^(*)-[(n)t]V- в роли сказуемого достаточно отчетливо прослеживается формальная и семантическая связь с атрибутивными причастными формами (см., например, ОчСЯ 242, 254; Hel. 42—43, 45; Кузнецова 1987 : 145—146; 1991 : 138). Распределение суффиксальных вариантов у первых и вторых в целом совпадает, хотя в предикативном употреблении по крайней мере в южных диалектах все более закрепляется вариант *-əntV-* (с начальным гласным — для консонантных основ, без него — для вокалических; ср. образование нарратива по Г. Н. Прокофьеву — 1935 : 67; иначе ОчСЯ 242), тогда как в атрибутивном — вариант без носового для всех типов основ (тым., нар. *edal*, кет. *ēti*, *ēdi*, *endi*, об. *edu* (Hel. 67) // TS *ētyl'*, ен. *ettel* 'существующий'; тым., нар. *eldal*, кет. *ilandj*, *iladdj*, об. *элыди*, *элынди* (Hel. 45), таз. *iljintil'* (E 45) 'живущий'). Предикативные формы на ^(*)-[(n)t]V- от имперфективных основ передают действие, совершающееся в момент речи, от перфективных — закончившееся незадолго до него и результат которого налицо (ср. презенс I). В атрибутивном употреблении можно было бы ожидать ту же обусловленность значений видовой характеристикой основы, но на образование причастий-определений с ^(*)-[(n)t]ə-j уже наметилось семантическое ограничение. На синхронном срезе они образуются прежде всего от глаголов несовершенного вида (причастия настоящего (процессуального) времени, совершающегося действия), в то время как причастия-определения на ^(*)-[(n)t]ə-j от перфективных основ (причастия настоящего результативного, (недавно) прошедшего времени) если и встречаются, то

крайне редко: об. *ettidi*, кет. *ittindi* 'повешенный, висящий' (кет. *ittigu*, об. *ettigu* 'висеть, повесить'). Однако реальность подобных образований подтверждают материалы М. А. Кастрена — Т. Лехтисало: *Tasyrendel* 'verloren' (*yrang* 'потерялся') (CL 24), Tsch OO *tiirembedi*, (=) В *tiirendel* 'voll' (N *tirap*, *tiirap* 'ich füllte an') (CL 115, см. также с. 62, 78, 103 и т. д.). Следовательно, и в атрибутивном употреблении суффикс ^(*)-[(n)t]V- мог использоваться как показатель презенса (процессуального / результативного), обнаруживая тем самым сходство в значении с соответствующими показателями в других самодийских языках; ненЛ *-na*, *-ta* причастия совершающегося действия (Вербов 1973 : 56); /*na*/ ~ /*ta*/ ~ /*ta*/ инфинитива, партиципа аориста (Sammallahti 1974 : 92); ненТ *-na*, *-ña*, *-da*, *-da*, *-ta*, *-ta* причастия настоящего / прошедшего времени (Терещенко 1965 : 909; Hajdú 1968 : 51), эн. *-dde* причастия настоящего / прошедшего времени, кам. *-nV*, *-dV* герундия / партиципа; *-nde* причастия / деепричастия саяносамодийских языков, источником которых мог выступать суффикс ^(*)-(n)tV отглагольного имени прасамодийского (Künnap 1978 : 183—184, 188, 199—200; в этой связи о **nt* > *n* в нен. и кам. — Collinder 1960 : 136).

При сохраняющейся структурной и семантической связи предикативных причастных форм на ^(*)-[(n)t]V- с соответствующими атрибутивными появляется возможность рассмотрения первых в рамках глагольной системы в качестве презенса II. К нему, как и перфекту, применим термин сложное время. Эта касается и облика морфологических форм, и обусловленного структурой их грамматического значения. Первоначальная семантика селькупского презенса II выводится из составляющих предикативной формы. Она содержит показатель причастия настоящего времени (процессуального / результативного) без маркера ^(*)-*j* определения, но в сочетании с окончаниями лица-числа, которые относят действие или состояние к настоящему общему или настоящему актуальному. Следовательно, первоначальную семантику презенса II можно определять как настоящее в настоящем. Причастия настоящего времени, как и причастия прошедшего времени, втягиваются в систему финитного глагола постепенно и неравномерно. Функционирование предикативных форм на ^(*)-[(n)t]V- в южных диалектах отражает на синхронном срезе разные этапы этого процесса.

На первом этапе презенс II, слабо локализованный во времени, оказывается тождественным по значению причастиям в функции предиката. Слабую временную локализованность презентных форм отражает специфика их функционирования при передаче таксисных отношений. Презентный таксис (одновременность) сочетается как с временным планом настоящего, так и прошедшего: тым. *tebiṭ kedəmbatə raṭispolkomtə mat koroyo kβattak* 'они сказали (перфект в значении претерита) в райисполкоме, что я медведя добыл (презенс II)'; нар. *paja konzervət čbet koront girbi orbešpendatə* 'старуха увидела (претерит), что возле дома грибы растут (презенс II)'; кет. *üṅgalzimbišit kaj matkan ende* 'слушал (претерит), кто дома есть (презенс II)'; *apat čačaṅ mattoβin čačas tep čačas kβedulundi surum* 'опять по лесу идет, шла (претерит) она, шла (претерит), повстречался (презенс II) медведь'; тым. *čāžak, čažaq mat pragalina kondak* 'иду, иду (презенс I), прогалину нашел (презенс II)'.
 На втором этапе развития презенс II представляет собой относи-

тельное время подсистемы, центром которой выступает настоящее абсолютное (презенс I). Формы презенса II соотносят действие с моментом речи, с моментом восприятия, передаваемыми формами настоящего абсолютного, и используются в предложениях закрытой структуры с дополнительными, изъяснительными отношениями. К последним относятся такие, части которых не обладают однородностью строения и самостоятельностью (ОчСЯ 400—401): тым. *manñimbar päkä kurdešpenda* 'смотрю (презенс I): лось бежит (презенс II)'; нар. *tab konžernet na äralžega koldout ött tadərändət* 'он видит (презенс I), (как) этот старик с реки воду несет (презенс II)'; кет. *temdi konžurnit ütman čačande karra tatček čačande* 'тут он смотрит (презенс I): по воде идет (презенс II) журавль, близко идет (презенс II)'; об. *ķvanniñ manñimbran iβkaj mat amnent* 'пошла, смотрит (презенс I): большой дом стоит (презенс II)'; кет. *ondi inandine tarp tarit raja matonde ķβende* 'своему брату он сказал (презенс I), (что) старуха в лес пошла (презенс II)'; тым. *mat terbak sβak čačəp okkır olse ķorojo ķβittak* 'я думаю (презенс I): «Хорошо выстрелил (презенс I), одной пулей медведя убил (презенс II)»; LS 40 *a iwauška kadeku-d yv laarymbaa-dinaa mat raja-m tööšpynda* 'but iwaa-nuska said (презенс I): «Have no fear! This (is) my wife coming [come] (презенс II)' и т. п.

Предложения закрытой структуры представлены полными (примеры выше) и неполными. Во вторых получение информации происходит только через придаточное предложение, а наличие главного с глаголами восприятия, речевой (мыслительной) деятельности подразумевается: тым. *inne niļejak kaļ sirri ķorojo ko jenda* 'вверх я поднялся, (смотрю), какая корова, медведь ходит'; нар. *nika tölade nika konne čanžilade nagu nädet amnindat niļži ķβāžədəl nädet* 'туда приехали, там на гору поднялись, (смотрят), три девки сидят, такие красивые девки'; кет. *čācañ tep čācañ üdļmbinde nokka tebane* 'идет она, идет, (смотрит), к ней зайчик бежит' и т. п. Неполная структура у предложений с изъяснительными отношениями чаще всего встречается в диалогах. Этим и может объясняться распространение предикативных форм на $-(n)tV-$ в вопросах и ответах на них (ср. употребление латентива в подобных предложениях в таз. — ОчСЯ 241).

Презенс II как относительное время используется также в простых предложениях, где передает настоящее актуальное узкого, широкого плана: а) со значением процесса: тым. *mat poķ sβornešpandak* 'я для себя сеть вяжу'; нар. *čēnži čapte tonna tar čažikkunda* 'побасенка, сказка еще так продолжается (вставка в середине повествования)'; кет. *me ildamnan tangundi poņgi kottijam tepanni poņgam sβermikkundat* 'у деда моего сети нет, ему бабушка моя сеть плетет'; б) со значением результата (законченность действия в настоящем, результат в настоящем): нар. *mat ķaboriļam mulžile manžerešpat okır ķaborķ kalinda* 'я рубашки стирать заканчиваю, одна осталась вот'; об. *matkəndə ķβengu ēzundi βāttamdi assi kokuβit* 'домой идти вздумала, дорогу свою не находит'; тым. *pō utondi kalinda paop taka sepeña* 'палка в руках осталась вот, а нож отломился' и т. п.

Относительновременное значение у презенса II также, как у пер-

фекта, начинает утрачиваться: на третьем этапе развития формы презенса приобретают способность выражать не только настоящее актуальное, но и настоящее общее. Таким образом относительное время получает черты абсолютного. Переходу способствует возможность использования настоящего актуального в значении настоящего общего: тым. *man a nā dī rī nda p tan nā nām* 'я не люблю твою сестру'; нар. *manan pārgem čužunda* 'у меня желудок болит'; об. *seđe udom kuzītda* 'две (обе) руки мои болят' и т. п.

Одновременно отмечается передача презенсом II (настоящим в настоящем) от результивных основ значения прошлого в настоящем (перфекта): предикативные формы на $(*)-[n]t]V$ - указывают на законченность действия в прошлом или неизвестно когда с отнесением к настоящему только результата: нар. *mat kōl andanda kōmdep indak* 'я у богатого отца денег взял'; кет. *nai malmaddi təββigu nado* 'хлеб кончился, купить надо'; об. *tolka sobla γum tūttda* 'пришло только пять человек' и т. п.

Как указывалось выше, в южноселькупских диалектах атрибутивные причастные формы могут образовываться при помощи формантов $(*)-[n]t]ə-j$ и $(*)-(m)pə-j$ для настоящего и прошедшего времени соответственно. Между тем на синхронном срезе еще заметно отсутствие четкой временной дифференциации этих партиципальных маркеров (ср. ен. *iləmppi*, кет. *ilampi* 'живший, живущий' < ен. *iləko*, кет. *iligu* 'жить'). Другим уральским языкам также известна временная недифференцированность причастий, которая постепенно преодолевается (Серебренников 1964: 174—175). Этот процесс имеет место и в селькупском языке: за формантом $(*)-(m)pə-j$ в целом закрепилось значение показателя причастия прошедшего времени. Однако $(*)-[n]t]ə-j$ дольше сохранял двойственность по отношению к временному значению (причастия настоящего процессуального → настоящего времени; причастия настоящего результивного → (недавно) прошедшего времени) и выступал как «вневременной» маркер причастий-определений. В сочетании с $(*)-(m)pə$ - он образует в диалектах южной группы сложный показатель атрибутивной формы $(*)-(m)pə-(n)tə-j$, которая употребляется параллельно формам на $(*)-(m)pə-j$, сильно подверженным адъективизации: тым., нар. *minbil*, кет. *minimbidi*, об. *minimbadi* 'согнутый, согнувшийся' < тым., нар., об. *min(i)gu*, кет. *minigu* 'согнуть(ся)'. В предикативном употреблении значение отглагольных образований на $(*)-(m)pV$ - и $(*)-(m)pə-(n)tV$ - в целом совпадает. Включение последних в собственно глагольную систему происходит аналогично формам на $(*)-(m)pV$ - (слабо локализованный во времени перфект → перфект — прошлое в настоящем). Особенность форм с контаминированным показателем состоит в том, что передаваемый ими локализованный во времени перфект не преобразуется в претерит и шире используется для передачи модального значения: тым. *meka βažep mekeš tat koroγop kβitpīnand* 'мне мясо дай, ты медведя добыл'; нар. *mat βa βat-təp kōm tēndak* 'я правильный путь нашел'; кет. *manžambadat man uttom la kčambinde katmī paffolbinde puttom na keβan* 'смотрите: моя рука сломана, лоб мой разбит, нос вот кровотоцит'; об. *kiba nēden mančēčin βarīk mat umtīti mint* 'маленькая девочка посмотрела: большой дом поставился' и т. п.

При рассмотрении $(*)-(m)pV$ - в качестве маркера прошедшего времени нарратива (таз. — Прокофьев 1935: 67—68; об. — Hel. 43), а $(*)-[n]t]V$ - либо в качестве показателя настоящего времени соответст-

вующего наклонения, либо этого наклонения в целом (таз. — ОчСЯ 240—243; об. — Hel. 42—43; нар. — Морева 1983а) особого внимания заслуживает вопрос о модальности форм, содержащих в своей структуре такие суффиксы, в диалектах южного ареала. С одной стороны, это проблема реальной, но не всегда реализующейся возможности развития модального значения у образований, выражающих результат в настоящем (для форм на ^(*)-[(n)t]V- это касается производных от основ совершенного вида). Модальное значение, вторичное по отношению к значению результата в настоящем (перфектному), неразрывно связано с самой сущностью перфекта. Однако характер указанной связи свободный, не облигаторный. Это согласуется с известным фактом: во многих языках перфекты и при возникновении, и при дальнейшей своей истории были безмодальными. В южноселькупских предикативных формах на ^(*)-(m)pV- и -[(n)t]V- не исключается появление модального оттенка у временного в определенном контексте. Однако модальность представляет собой лишь синтаксическое наслоение и соответственно не выносится в план парадигматики, тем более, что относительные времена и сохраняют не локализованный во времени характер, и преобразуются в абсолютные. В то же время для форм на ^(*)-(m)pə(n)tV-, которые шире используются для передачи значения неочевидности действия, по-видимому, допустима трактовка в качестве модального перфекта.

С другой стороны, основой развития модального значения неочевидности действия у селькупских временных форм, восходящих к причастиям в функции сказуемого, могли послужить различия в семантике собственно глагольной и партиципальной формы. Так, глагол передает наряду с действием динамический, временной признак предмета или явления. Селькупские же причастия, по своему происхождению — отглагольные имена, способные выступать в роли предиката и атрибута, по-видимому, первоначально были ближе к прилагательным — носителям вневременного признака-свойства (ср. слабую временную дифференцированность причастий-определений). Эту близость к прилагательным причастия могли сохранить и в предикативном употреблении, когда выражали не столько динамический временной признак предмета или явления, сколько статический, отделенный от действия. Такое значение селькупских партиципальных форм и могло способствовать их специализации в сфере внешней модальности. Но нужно иметь также в виду, что различия между причастиями-сказуемыми и собственно глагольными формами в плане передаваемого значения могли быстро стираться: финитные формы, восходящие к причастным, во многих языках мира не модальны.

Селькупское будущее время противостоит остальным временам как передающее наряду с темпоральным и модальное значение. Это время в селькупском языке, как и в других языках самодийской группы, относится к поздним образованиям. Материалы всех диалектов языка указывают на (? независимое) становление показателя футурума на базе деривационного форманта (его вариантов). Параллельное использование суффиксов в качестве маркера времени и способа глагольного действия с последующим преобразованием в темпоральный показатель известно также ряду финно-угорских и самодийских языков (Klemm 1925 : 273; Терешенко 1965 : 896, 901; Майтинская 1973 : 81—90; Лабанускас 1976 : 108—112; Сорокина 1984 : 115—120). Т. Лехтисало выводит селькупские суффиксы инхоативного (Кастрен: *-nda*, *-n̄ʒa-*, *-tta-*, *-ča-*; Доннер: *n̄ʒa-*, *-ʒa-*) и имперфективного (Прокофьев: *-ndi-*, *-di-*, *-ti-*) способов действия из сложного форманта **ntšV* инхоатива в пра-

самодийском, объединяя их с камасинскими маркерами будущего времени (Lehtisalo 1936 : 237—241). А. Кюннар связывает селькупские показатели футурума с соответствующими камасинскими и, предположительно, ненецкими, считая источником формантов *-*niV* отглагольного имени прасамодийского (Künnap 1978 : 141).

Связь деривационного суффикса (его вариантов) и маркера времени проявляется в селькупских диалектах по-разному. В тазовском соответствующий суффикс используется для образования будущего, участвуя одновременно в деривации имперфективных глаголов (Прокофьев 1935 : 58—59; Прокофьева 1966 : 410; ОчСЯ 221—223, 239—240). Авторы ОчСЯ считают, что, хотя маркеры футурума и не самостоятельны с точки зрения формы, будущее время и имперфектив в диалекте уже явно разграничены. В пользу отграничения первого от второго ими приводятся следующие соображения формально-грамматического характера: от самих глаголов имперфективной семантики могут быть образованы формы будущего времени; глаголы имперфективной семантики всегда относятся к несовершенному виду, тогда как видовое значение футурума определяется значением производящей основы (ОчСЯ 239; ср. Лабанаускас 1976 : 108—112). В баишенском говоре енисейского диалекта соответствующие форманты также выполняют две функции: передача значения несовершенности действия и выражение времени (Варковицкая 1947 : 127). В кетском и обском диалектах аналогично оформленные структуры используются для отнесения действия к будущему (футурум). Однако в этих диалектах суффикс (его варианты), материально идентичный и связанный общностью происхождения с показателем времени, уже практически не участвует в деривации: об. *ķop toroŷin taptedemen žin* 'кожа на озере мокнуть будет'; кет. *taβakka tariŷ kundar man ķim pun žaβ* 'мышонок говорит: «Как же я речку переплыву»'. В тымском и нарымском диалектах соответствующий суффикс занят в словопроизводстве глаголов несовершенного вида и одновременно используется для выражения желания, намерения совершить действие в будущем. Формы от перфективных основ при этом указывают на результат действия после момента речи, от имперфективных — на перспективное протекание процесса: тым. *taβ kir šem oral žen ža ķoroŷa* 'вот-вот поймает меня медведь'; нар. *mat tidal žil mažon ķβin žak* 'я завтра в лес пойду'; тым. *kund elen žak* 'долго жить буду'; нар. *tab mažon čā žen ža* 'он в тайгу идти собирается' и т. п. Но поскольку производные глаголы временных форм с помощью такого же суффикса не образуют (ср. таз. ОчСЯ 239), футуральность оказывается в этих диалектах формально совмещенной с настоящим временем (презенс I) глаголов определенной семантики (итеративность / имперфективность, желательность и т. п.) (ср. тым. *pone üŷolgu orom ā in žet* 'наружу вытащить — силы не хватает'; нар. *taban akando kašķo čann en ža* 'из его рта дым выходит'). Использование настоящего процессуального (общего) от основ такого типа для передачи действия после момента речи (ср. транспозиционные значения презенса I) и обусловило закрепление за соответствующими формами обслуживание футуральной сферы и превращение деривационного суффикса во временной маркер.

Кроме отнесения действия к будущему, в тымско-нарымском ареале отмечается способность рассматриваемых форм передавать намерение, желание в прошлом (Кузнецова 1991 : 261). Сравнительно узкое мо-

дальное значение желательности, связанное не только с будущим, позволяет рассматривать формы на $(*)-(n)\check{c}V-$ ($V=a\sim\bar{a}$) и его варианты уже в качестве не времени, а наклонения (оптатива II; ср. Морева 1975: 122; Морева 1985: 59). Сужение сферы употребления футурума и преобразование его в оптатив II в названном диалектном ареале связано с распадом оптатива I — *l*-ового желательного наклонения, формы которого обслуживают на синхронном срезе не только сферу некатегорического императива, но и модального будущего (Кузнецова 1988; 1991: 260—261).

Сокращения

Ненецкий язык: **ненТ** — тундровый диалект; **ненЛ** — лесной диалект; **селькупский язык:** **байш.** — байшенский говор енисейского диалекта; **вас.** — васюганский диалект; **ен.** — енисейский диалект; **нар.** — нарымский диалект; **кет.** — кетский диалект; **таз.** — тазовский диалект; **тым.** — тымский диалект; **об.** — обский диалект. В остальных случаях сокращения диалектов по цитируемому источнику.

ИТМГЯ — Историко-типологическая морфология германских языков. Категория глагола, Москва 1977; **ОчСЯ** — А. И. Кузнецова, Е. А. Хелимский, Е. В. Грушкина, Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект, Москва 1980; **CL** — Samojedische Sprachmaterialien. Gesammelt von M. A. Castrén und T. Lehtisalo, Helsinki 1960 (MSFOu 122); **E** — I. Erdélyi, Selkupisches Wörterverzeichnis, Tas Diaklet, Budapest 1969; **Hel.** — E. Helimski, The Language of the First Selkup Books, Szeged 1983 (Studia Uralo-Altaica 22); **LS** — L. Szabó, Selkup Texts with Phonetic Introduction and Vocabulary, Bloomington (UAS 75).

ЛИТЕРАТУРА

- Барроу Т. 1976, Санскрит, Москва.
 Бондарко А. В. 1990, Темпоральность. — Теория функциональной грамматики: темпоральность, модальность, Ленинград, 5—58.
 Бунина И. К. 1959, Система времен старославянского глагола, Москва.
 Варковичкая Л. А. 1947, Глагольное словообразование в селькупском языке (по материалам байшенского говора). Канд. дисс., Москва.
 Вербов Г. Д. 1973, Диалект лесных ненцев. — Самодийский сборник, Новосибирск, 4—190.
 Грунина Э. А. 1976, К истории семантического развития перфекта на *miš*. — Советская тюркология I, Баку, 12—26.
 Гухман М. М. 1981, Историческая типология и проблема диахронических констант, Москва.
 Дульзон А. П. 1969, Опыт исторической интерпретации селькупских глагольных форм. — СФУ V, 203—211.
 Елизаренкова Т. Я. 1982, Грамматика ведийского языка, Москва.
 Иванов С. Н. 1959, Очерки по синтаксису узбекского языка (Форма на *-ган* и ее производные), Ленинград.
 Каксин А. Д. 1990, Система значений категории неочевидного наклонения в хантыйском языке. — Морфология глагола и структура предложения, Новосибирск, 106—114.
 Кормушин И. В. 1984, Системы времен глагола в алтайских языках, Москва.
 — 1987, К интерпретации и реконструкции категории времени в тюркских языках. — Сущность, развитие и функции языка, Москва, 183—185.
 Кузнецова Н. Г. 1987, Глагольная подсистема кетского диалекта селькупского языка. Канд. дисс., Томск.
 — 1988, Эволюция оптатива в диалектах селькупского языка. — СФУ XXIV, 189—194.
 — 1991, К вопросу об эволюции категории наклонения в диалектах селькупского языка. — LU XXVII, 256—271.
 — 1992, Императив в южных диалектах селькупского языка. — LU XXVIII, 44—49.
 Курилович Е. 1965, О методах внутренней реконструкции. — Новое в лингвистике IV, Москва, 400—434.
 Кюннап А. 1976, К проблеме происхождения показателей наклонений и времен в уральских языках. — СФУ XII, 169—181.

- Лабанаускас К. 1975, Неопределенное время ненецкого глагола. — СФУ XI, 43—50.
- 1976, Будущее время в ненецком языке. — СФУ XII, 108—112.
- Майтинская К. Е. 1973, Будущее время в финно-угорских языках. — СФУ IX, 81—90.
- Маслов Ю. С. 1984, Очерки по аспектологии, Ленинград.
- Морева Л. В. 1975, Будущее время в селькупском языке. — Языки и топонимия Сибири VII, Томск, 119—124.
- 1983а, Повествовательный аорист в среднеобских говорах селькупского языка. — Вопросы енисейского и самодийского языкознания, Томск, 112—117.
- 1983б, Формы прошедшего времени в среднеобских говорах селькупского языка. — Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов. Тезисы докладов областной научной конференции по лингвистике, Омск, 53—57.
- Недялков В. П., Яхонтов С. Е. 1983, Типология результативных конструкций. — Типология результативных конструкций (результатив, стив, пассив, перфект), Ленинград, 5—40.
- Перельмутер И. А. 1969, К становлению категории времени в системе индоевропейского глагола. — ВЯ 5, 11—21.
- 1977, Общеиндоевропейский и греческий глагол. Видовременные и залоговые категории, Москва.
- Прокофьев Г. Н. 1935, Селькупский (остяко-самоедский) язык. Селькупская грамматика, Ленинград.
- 1937, Языки и письменность народов Севера, ч. I, Москва—Ленинград.
- Прокофьева Е. Д. 1966, Селькупский язык. — Языки народов СССР III. Финно-угорские и самодийские языки, Москва, 392—415.
- Серебрянников Б. А. 1960, Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп, Москва—Ленинград.
- 1963, Система времен татарского глагола, Казань.
- 1964, Основные линии развития падежной и глагольной системы в уральских языках, Москва.
- 1974, Вероятностные обоснования в компаративистике, Москва.
- 1983, О материалистическом подходе к явлениям языка, Москва.
- 1988, Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление, Москва.
- Сорокина И. П. 1984, Будущее время в энецком языке. — Структура палеоазиатских и самодийских языков, Томск, 115—120.
- Телин Н. Б. 1988, О системном статусе перфектного значения в функциональной грамматике. — Язык: система и функционирование, Москва, 236—249.
- Терещенко Н. М. 1948, Краткий грамматический очерк ненецкого литературного языка. — А. П. Пырерка, Н. М. Терещенко, Русско-ненецкий словарь, Москва, 317—405.
- 1965, Ненецко-русский словарь, Москва.
- 1966, Энецкий язык. — Языки народов СССР III. Финно-угорские и самодийские языки, Москва, 438—457.
- 1973, Синтаксис самодийских языков, Ленинград.
- Тронский И. М. 1967, Общеиндоевропейское языковое состояние. Вопросы реконструкции, Ленинград.
- Хайду П. 1985, Уральские языки и народы, Москва.
- Черемисина М. И. 1986, О системе спряжения хантыйского глагола. — Языки народов Сибири, Новосибирск, 3—19.
- Чернецов В. Н. 1937, Мансийский (вогульский) язык. — Языки и письменность народов Севера, ч. I, Москва—Ленинград, 163—193.
- Черных П. Я. 1952, Историческая грамматика русского языка, Москва.
- Angere, J. 1956, Die uralo-jukagirische Frage, Uppsala.
- Castrén, M. A. 1854, Grammatik der samojedischen Sprachen, St.-Petersburg.
- Collinder, B. 1960, Comparative Grammar of the Uralic Languages.
- Erdödi, J. 1963, Zur Frage der Herkunft der Präteritum-Suffixe in den uralischen Sprachen. — CIFU I, 65—69.
- Hajdú, P. 1968, Chrestomathia Samoiedica, Budapest.
- Janhunen, J. 1982, On the Structure of Proto-Uralic. — FUF 44, 23—42.
- Klemm, A. 1925, Zur geschichte der sogenannten tempora in den finnisch-ugrischen sprachen. — FUF XVII, 265—279.
- A. Kövesi, M. 1974, Zur Frage der Modi in der finnisch-ugrischen Grundsprache. — ALHung. XXIV, 223—230.
- Künnap, A. 1978, System und Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe II. Verbal-flexion und Verbalnomina, Helsinki (MSFOu 164).
- Labanauskas, K. 1975, Das Präsens im Nganassanischen. — СФУ XII, 126—134.
- Lehtisalo, T. 1936, Über die primäre uralischen ableitungssuffixe, Helsinki (MSFOu LXXII).

- Mikola, T. 1988, Geschichte der samojedischen Sprachen. — The Uralic Languages. Description, History and Foreign Influences, Leiden—New York—København—Köln, 220—263.
- Morev, L. V. 1985, Das Modalfeld des Selkupischen (in Mundarten am mittleren Ob'). — Шестой международный конгресс финно-угроведов. Тезисы. Языкознание, том I, Сыктывкар, 59.
- Sammallahti, P. 1974, Material from the Forest Nenets, Helsinki (Castrenianum 10 toimitteita 2).

N. P. GAL'COVA, N. G. KUZNECOVA (Tomsk)

CATEGORY OF TENSE IN SOUTHERN SELKUP DIALECTS

This article is devoted to the verbal means of time expression in Southern Selkup dialects. Southern Selkup tense forms fall into 3 groups: absolute (primary) tenses, relative (> absolute: secondary) tenses and forms of future-modality. The forms of absolute tenses (present I, preterite) indicate the time of an action as related to the moment of speaking. The relative tenses (present II, perfect) express not only action which refer either to the present or past, but also show that the action is related to some other action in the present absolute. The meaning of future tense forms contains some modality (possibility, necessity or volition). The future is not only one way of indicating actions at the time following the moment of speech. In this meaning its equivalents are optative forms. Southern Selkup tenses may also be used to express meanings other than paradigmatic.